

Ирина Владимировна Копосова –
музыковед, кандидат искусствоведения, доцент,
заведующий кафедрой теории музыки и композиции
Петрозаводская государственная консерватория
имени А. К. Глазунова
(Петрозаводск, Россия)
kopira@mail.ru

Irina V. Kuposova – musicologist, Ph.D. (Arts),
Associate Professor, Head of the Music Theory and
Composition Department of Petrozavodsk
State Glazunov Conservatoire
(Petrozavodsk, Russia)
kopira@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9436-5171

Татьяна Михайловна Талицкая – музыковед,
заслуженный работник культуры Республики Карелия,
директор Карельской государственной филармонии
(Петрозаводск, Россия)
talitskaya@kgfptz.ru

Tatyana M. Talitskaya – musicologist,
Honored Worker of Culture of the Republic of Karelia,
Director of the Karelian State Philharmonic
(Petrozavodsk, Russia)
talitskaya@kgfptz.ru

УДК 781-05

DOI 10.61908/2413-0486.2024.39.3.1–18

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА БОЧКАРЁВА: ЭСКИЗ ПОРТРЕТА

Аннотация

Данная публикация посвящена Ольге Александровне Бочкарёвой (1937–2003), педагогу и учёному, чья деятельность была безраздельно связана с Петрозаводской консерваторией. Авторы ставят своей целью на основе фотографий, документов, воспоминаний близких, коллег и учеников воссоздать облик Ольги Александровны, охватив разнообразные проявления её многогранной личности.

Ключевые слова: Ольга Александровна Бочкарёва, Юзеф Гейманович Кон, курс гармонии, Петрозаводская консерватория

OLGA ALEXANDROVNA BOCHKAREVA: PORTRAIT SKETCH

Abstract

This publication is dedicated to Olga Alexandrovna Bochkareva (1937–2003), a teacher and scholar whose activities were inextricably linked with Petrozavodsk Conservatory. The authors aim to recreate Olga Alexandrovna's image on the basis of photographs, documents, reminiscences of relatives, colleagues and students, encompassing various manifestations of her versatile personality.

Keywords: Olga Bochkareva, Józef Kon, Harmony course, Petrozavodsk Conservatory

Изучение, осмысление и оценка деятельности преподавателей, стоявших у истоков формирования сегодняшнего облика Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова и заложивших её научные и педагогические традиции, не теряет своей актуальности. Наш очерк посвящён музыковеду и педагогу Ольге Александровне Бочкарёвой (1937–2003), отдавшей нашему вузу 32 года своей жизни.

Ольга Александровна приехала в Петрозаводск в 1970 году вместе с супругом Юзефом Геймановичем Коном и с того времени вплоть до ухода из жизни бесменно работала на кафедре теории музыки и композиции. Даже простое перечисление результатов её творческой, педагогической, организаторской деятельности говорит о многом: О. А. Бочкарёва воспитала более 60 выпускников, написала более 50 научных статей, руководила Научным студенческим обществом, выступала организатором многочисленных концертов современной музыки, составила справочники «Композиторы Карелии» и «Композиторы и музыковеды Карелии». За этими сухими фактами стоит поистине подвижническая жизнь, каждый день которой был отдан служению музыке, ученикам, коллегам и родной кафедре (фото № 1).

Фото № 1

*Кафедра теории музыки и композиции Петрозаводского филиала
Ленинградской консерватории им. А. К. Римского-Корсакова, 1987.
Сидят слева направо: И. Н. Баранова, К. И. Южак, О. А. Бочкарёва, И. Н. Горная,
И. Н. Смирнова, Т. Н. Тимонен; стоят: А. С. Белобородов, Б. Д. Напреев, Ю. Г. Кон,
Э. Н. Патлаенко, Р. Ф. Зелинский*

Этот очерк является попыткой запечатлеть многогранную фигуру учителя, музыканта и учёного. Поставив перед собой задачу создать портрет Ольги Александровны, мы столкнулись с разного рода трудностями. Выяснилось, что дать объективную оценку её деятельности непросто: утрачены архивы ГТРК и записи, запечатлевшие Бочкарёву-лектора; нет полной задокументированной информации о работе Научного студенческого общества Петрозаводской консерватории, душой которого она была на протяжении десятилетий; в архивах отсутствует множество ценных документов. А главное – в памяти всех, кто хранил и хранит воспоминания об Ольге Александровне, её облик воссоздаётся по-разному. Принимая в расчёт всё сказанное, мы решили выстроить наше повествование на основе сохранившихся любительских фотографий, обнаруженных архивных документов, опубликованных и устных воспоминаний.

У профессора короткая и легко произносимая фамилия, однако сколько же у него имён (фото № 2)! Студенты и коллеги звали длинно-уважительно Юзефом Геймановичем, на родине в Польше обращались традиционно – пан

Юзеф, самые близкие друзья и родные – Юзя, Юзенька, и все, все без исключения – ЮГ¹. Имя это жило самостоятельно и в письменной, и в устной речи, имело способность образовывать уменьшительные формы – Югэша, Югэшечка, – и в исполнении некоторых порой склонялось по падежам.

Фото № 2

Ю. Г. Кон. 1960-е годы

Жена ЮГ для всех была Ольгой Александровной, в домашнем кругу – Лялей. На письме для краткости и по аналогии с мужем «Ольга Александровна» обозначалась как «ОА», она и сама так подписывалась. Впрочем, при произнесении вслух имя всегда расшифровывали. Фамилия «Бочкарёва» (оставленная при замужестве и переданная сыну) использовалась как синоним дисциплины «Гармония».

Фото № 3

О. А. Бочкарёва. Ташкент, 1950-е годы

¹ Произносится как [югэ], практика показывает, что допустимы оба варианта ударения, Ольга Александровна предпочитала ударение на первом слоге.

На ташкентской фотографии конца 1950-х мы видим белокурую девушку, не то чтобы с надменным, но с задиристым, лукавым взглядом и улыбкой, которую она пронесёт через всю жизнь (фото № 3). У неё всё благополучно. Она – студентка консерватории, где когда-то ректором был её отец². Учиться ей нравится³, особенно теперь, когда польский профессор, к которому неравнодушны едва ли не все женщины музыкального Ташкента, говорит ей «Ты». Не потому, что он почти вдвое старше её, со всеми прочими он на «Вы». «Если б Вы только знали, какая Ляля была красавица», – скажет он потом о ней, спустя годы (фото № 4).

Фото № 4

О. А. Бочкарёва. Ташкент, 1964 год

² Александр Ипатьевич Бочкарёв был первым ректором Ташкентской государственной консерватории с 1936 по 1947 годы.

³ В 1954 году Ольга Александровна Бочкарёва окончила Музыкальную школу-десятилетку имени В. Успенского при Ташкентской государственной консерватории по классу специального фортепиано, а в 1959 году – Историко-теоретический факультет (отделение теории музыки) Ташкентской консерватории. Характеристика, данная ей при выпуске из вуза, гласит: «Бочкарёва О. А. отличается хорошими музыкальными данными. Проявив интерес к дисциплинам музыкально-теоретического цикла, О. А. Бочкарёва успешно овладела знаниями и навыками в этой области, о чём свидетельствуют выполненные работы. В процессе выполнения дипломной работы О. А. Бочкарёва проявила аналитическую технику и понимание сложных музыкально-теоретических проблем. Хорошее (для музыковеда) владение роялем, интерес к смежным областям искусства позволяют предполагать, что по окончании консерватории О. А. Бочкарёва сможет успешно работать как теоретик музыки, а также как педагог». Тема дипломной работы: «О гармонии квартетов Шостаковича».

Новосибирск, середина 1960-х. В самой глубине России. Хорошо, что они теперь здесь, отношения с родителями, убеждёнными коммунистами, усложнились, когда её выбор пал на иностранца с лагерным прошлым. Она преподаёт гармонию в консерватории, это очень увлекательно (фото № 5).

Фото № 5

О. А. Бочкарёва и Ю. Г. Кон. Новосибирск, 1964 год

Они ездили на фестиваль в Варшаву, сколько же там новой музыки. Скоро защита диссертации⁴. Муж – выдающийся учёный, это признают все.

Сын, её собственный сын, от этой мысли сердце переполняется гордостью⁵ (фото № 6).

Фото № 6

О. А. Бочкарёва с сыном Игорем, 1969 год

4 Свою кандидатскую диссертацию «Музыкальные инструменты Узбекистана и закономерности мелодики узбекской народной инструментальной музыки» Ольга Александровна защитила в марте 1970 года.

⁵ Сын Игорь родился в Новосибирске в 1967 году.

Петрозаводск, в который семья переехала в 1970 году, конечно, не Ленинград, но ЮГ тут впервые чувствует себя свободным, хозяином положения. И до обеих столиц – рукой подать. Очень много работы в консерватории – на каждом курсе по три-четыре дипломника, у ЮГ и того больше, а ещё лекции, семинары по современной гармонии, концерты...

В 1970 году на Октябрьском проспекте сдали новый дом – кирпичный, девятиэтажный, таких домов в малоэтажном Петрозаводске ещё совсем немного. На самом верхнем этаже поселяются «небожители». «Они смотрели новую квартиру, и Слоним⁶ по секундомеру замерял, сколько идёт лифт с первого этажа на последний, ЮГ жил на девятом. Это была такая суэта приятная»⁷. Годы спустя, когда возраст и нездоровье всё чаще будут давать о себе знать, вечно не работавший лифт станет источником больших неприятностей: «небожителям» придется планировать день так, чтобы подниматься только один раз.

Дорога к дому была известна многим. На маршруте от консерваторского общежития до дома Конов студенты-музыковеды знали наизусть каждый камень и преодолевали этот путь без труда в любую погоду и в тёмное время суток. Туда же приглашались приезжавшие в Петрозаводск выдающиеся люди, там проходили застолья после госэкзаменов. О восточном гостеприимстве хозяев, об их радушии ходили легенды. Оба прекрасно готовили: слава о плове ЮГ соперничала с известностью самого ЮГ, а воспоминания о нежнейшей шарлотке ОА до сих пор вызывают восторг у тех, кому довелось её попробовать.

Однако если говорить о «ближнем круге», то он был весьма ограничен, в дом приглашались только «проверенные» люди. Прошлое Кона давало знать о себе: хозяева были закрытыми людьми, каждый по-своему.

⁶ Виссарион Исаакович Слоним (1921–2005), пианист, на тот момент – преподаватель Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории, друг семьи. Немало способствовал переезду Кона из Ташкента в Новосибирск, а затем и в Петрозаводск.

⁷ Из беседы с А. П. Милкой, профессором Санкт-Петербургской консерватории, написавшим под научным руководством Ю. Г. Кона свою кандидатскую диссертацию.

Он был гений. Он всё знал, всё помнил, и всё, к чему он прикасался, становилось значительным. Петрозаводскую консерваторию в российских музыкальных кругах называли «консерваторией Кона»⁸, а в Ленинграде⁹, когда ЮГ приезжал туда читать лекции, начиналось необычайное оживление, и все «бежали на Кона», потому что явление Кона был событием¹⁰.

Она была женой гения, прекрасно отдавала себе в этом отчёт и миссией своей считала оберегать его, помогать, чтить. Плов – это, конечно, по праздникам, ОА обеспечивала комфорт в повседневности, заботилась о многом¹¹ и до определённой степени участвовала в его карьере. Крепко стоящая на земле ОА убедила ЮГ в необходимости защиты докторской диссертации и утверждения в учёном звании профессора. И Кону, знаменитому учёному, много лет профессору *de facto*, на пороге его 70-летия это звание было присуждено *de jure*.

ОА выстроила такой мир, такую систему координат, где ЮГ стал точкой отсчёта, номером один, а остальное всё и все – вокруг него (фото 7). Порой ОА оставляла за собой право управлять этим миром по собственному усмотрению¹².

⁸ Об этом хорошо пишет В. С. Портной: «Безусловно, Петрозаводской консерватории несказанно повезло: в период её становления к работе в тогда ещё Петрозаводском филиале Ленинградской консерватории были привлечены превосходные музыканты, такие как И. М. Рензин, К. Ф. Зубравский, В. И. Слоним, З. Ш. Тамаркина, Ю. М. Крамаров, А. А. Лазько, А. С. Леман и многие другие. В 1970 году начинает работать в консерватории и Юзеф Гейманович Кон. С тех пор Петрозаводская консерватория для музыкантов становится известной как “Консерватория Кона”» [5, с. 73].

⁹ «Молодежь буквально тучами ходила за ЮГ при каждом появлении его в Ленинграде» (И. Мациевский).

¹⁰ Друзья ЮГ вспоминают, как в 1965 году на знаменитой ленинградской конференции, посвященной проблемам лада, он делал доклад об искусственных ладах, а Сохор – после, на банкете – «доклад» о *Кон-гениальности*.

¹¹ К. И. Южак, профессор Санкт-Петербургской консерватории, близкий человек для семьи Конов, не без удивления вспоминает, как ОА, где бы ни была, очень правильно и виртуозно находила для ЮГ красивые, модные вещи, которые ему были впору.

¹² К примеру, в процессе преподавания гармонии уже с первого курса ОА присматривалась к студентам, и лучшие отправлялись к Кону, даже если они хотели писать диплом у неё.

Фото № 7

Заседание Ученого совета Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова в честь 60-летия Ю. Г. Кона, 17 марта 1980 года

Она была спутницей гения. Наверное, нужно было приложить немало сил, ума и упорства и так воспитать себя, чтобы ему соответствовать. «Она смогла стать рядом с ним, чтобы быть ему женой. Она с Коном беседовала о живописи, о поэзии, знала наизусть бездну стихов»¹³.

Для ОА он был не только учёным, а самым дорогим существом (больше родителей и сына, больше музыки, больше всего и всех), любовь к которому она пронесла через всю жизнь. За эту любовь ей нередко приходилось бороться – «лучистые васильковые глаза»¹⁴, шарм, европейская элегантность, исключительные человеческие качества и величие ЮГ неминуемо превращали его в объект пристального женского внимания и в Ташкенте, и в Новосибирске, и в Петрозаводске. В свою очередь, Кону немало огорчений приносил непростой характер жены – властный, жёсткий, непримиримый в некоторых вопросах, часто взрывной – она могла обидеть острым словом и, даже пожалев о сказанном, не извиниться. У ОА была склонность к порядку, но очень индивидуально организованному, ей одной понятному. Однако она хотела, чтобы этому порядку следовали и окружающие. Очень непросто складывались отношения со многими людьми – не только со студентами, коллегами,

¹³ Об этом говорит К. И. Южак.

¹⁴ По выражению Л. Г. Ковнацкой, профессора Санкт-Петербургской консерватории, хорошо знавшей семью Конов.

но с родителями, с сыном. Своё время ОА без остатка отдавала студентам, что для ЮГ-отца было источником особенных переживаний. «ОА – фигура если не трагическая, то драматическая»¹⁵ не меньше, чем ЮГ. Но кажется, что за все трудности судьбы они были вознаграждены счастливой и взаимной любовью. Именно вдвоём, парой, они навсегда запечатлелись в воспоминаниях своих учеников (фото 8). «Так они вошли и остались в моей жизни вместе – Ольга Александровна и Юзеф Гейманович, люди, личностная и профессиональная взаимодополняемость и нераздельность которых поразительны. Говорить и писать о ЮГ для меня значит говорить и писать о них обоих как о двуединстве», – пишет Т. В. Геллис [2, с. 84].

Фото № 8

О. А. Бочкарёва и Ю. Г. Кон на фестивале «Варшавская осень», 1965 год

Она была его ученицей. Конечно, никаких прямых доказательств этому нет: консерваторские документы не сохранились, в диссертации не указано имя научного руководителя¹⁶. Есть лишь косвенные свидетельства¹⁷. Но нужны ли они? Неужели возможно жить рядом, общаться ежедневно, разделять и

¹⁵ Об этом говорит Н. Ю. Гродницкая, доцент Петрозаводской консерватории, долгие годы дружившая с Ольгой Александровной и Юзефом Геймановичем.

¹⁶ По словам К. И. Южак, ЮГ надеялся, что научным руководителем ОА станет А. Н. Должанский, но, к сожалению, время распорядилось иначе – Должанский покинул мир раньше.

¹⁷ С. А. Закржевская прямо указывает на ОА в числе учеников ЮГ [3, с. 39].

отстаивать идеалы ЮГ, любить его, наконец, – и не учиться? А она была талантливая, не такого уровня, как Кон, но очень талантливая. При этом научная независимость для ОА была принципиальной: «Она не пускала в мир своих педагогических и научных дел посторонних. Своим мнением она дорожила, и переубедить её было очень трудно. Если она в чём-то была уверена, дискутировать было бесполезно»¹⁸. Кон сетовал, что у них нет совместных статей: «Давай Линцбаха сделаем под двумя фамилиями. А то у нас нет работ – Бочкарёва–Кон¹⁹» (цит. по: [1, с. 106]).

Была ли ОА его Галатеей, удалось ли ему воспитать её для себя? Отчасти, да. ОА пыталась подчиняться ЮГ, однако её стремление к самостоятельности, к чему-то своему рано или поздно прорывалось наружу. Но она была его Музой. И уходя, он скажет, что «без неё не смог бы прожить многие годы <...> в изумлении, восхищении и благодарности» (цит. по: [там же, с. 112]).

Квартира в доме на Октябрьском проспекте вполне могла бы быть филиалом библиотеки. Там книги обитали везде, начиная с небольшого коридора. В массивных шкафах в гостиной они стояли в два ряда, а словари и энциклопедии в кабинете ЮГ – в один, их было очень удобно находить и доставать. После отъезда сына его комната также превратилась в «книжную»; там жили издания «не ежедневной необходимости» – альбомы по искусству, художественная литература, философия, публицистика, детские книги. От ОА студенты уходили, как правило, со стопкой необходимого для работы материала, но дополнительный том «для души» всегда приветствовался. О любой книге ОА могла рассказать, дать характеристику и совет.

Книга, заинтересовавшая ОА, опознавалась легко: в этом случае печатный текст был испещрён пометками: на полях, прямо в тексте, на титульном

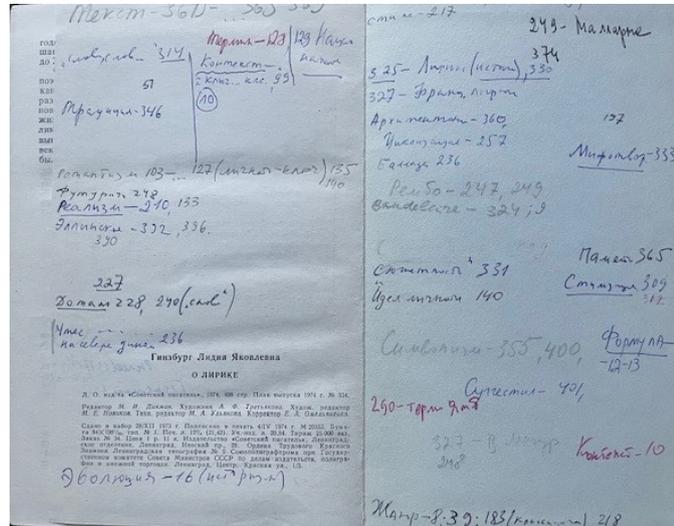
¹⁸ Из беседы с А. П. Милкой.

¹⁹ Если формально – то это не совсем верно. В итоге таких работ три: «О дуэлях» Сидельникова, об одночастных сочинениях Шимановского, о его же «Мифах» и «Метопях» (последняя – *opus post* для ЮГ). Вероятно, ЮГ имел в виду иную форму сотрудничества. Статья о Линцбахе так и не была написана.

листе, форзаце (фото № 9). Если же печать предполагала свободные странички «для заметок» – они непременно использовались по назначению.

Фото № 9

Книга Л. Гинзбург «О лирике» с пометками О. А. Бочкарёвой

Не развернутые рассуждения, не «мысли вслух», а короткие заметки – самого различного характера: ссылки на другие книги и страницы, сноски, имена, явления. А порой просто эмоциональные ремарки – «неужели», «ошибочно», «блеск!». Если задаться целью их издания (по аналогии с «Корпусом читательских помет Вольтера»), наверное, потребуются дополнительный том комментариев. Но, следуя по лабиринту маргиналий на полях книг ОА, не устаешь поражаться густой паутине взаимосвязей между событиями и явлениями, их отражениям в разных областях наук, искусств, самой жизни. С какой же высоты нужно смотреть, чтобы *так* всё видеть, *так* вступать в диалог с автором (а точнее – десятками авторов сразу). И какое счастье для автора получить вдумчивого, неравнодушного читателя-интеллектуала! О таких, как ОА, Джордж Стайнер сказал однажды: «Интеллектуал – это просто, когда человек читает книгу с карандашом в руках» [6, с. 11].

ОА писала всё время. Но если заметки на полях были её личным делом, а для прочих – примером осознанного чтения, то предметом всеобщего любопытства были её записки. У ОА работала персональная почтовая структура,

отлаженная до автоматизма, которую сейчас можно причислить к ряду консерваторских легенд. После занятий (неважно, где они проводились – дома или в консерватории) студент получал ворох записок от ОА, адресованных однокашникам, нёс их в общежитие и сортировал по почтовым ящикам.

По тому, как именовались адресаты, можно было с большой долей вероятности утверждать, на каком этапе обучения находится студент. Если на записке красовались имя и фамилия – это готовится к конференции молодёжь, первый или второй курс. К дипломникам ОА обращалась просто по имени, но непременно – в полной форме: в студенческом «гнезде» ОА с первого курса знали, кто на третьем-четвертом Александра, кто Татьяна, а кто Ирина. К пятикурсникам же обращалась по теме, с которой они были «обручены»: Стравинский, Барток, Шёнберг, Онеггер. Эти записки посылались в режиме «экспресс-почты», предполагалась их ускоренная доставка «Бартоку» или «Окуневой-Шёнберг», оставлять такую корреспонденцию в почтовом ящике считалось нежелательным.

Записки были разными. Бывали многостраничные вирши, напечатанные на машинке, с массой рукописных пометок, сносок и замечаний, с акцентированием смысловых оттенков прописными буквами или подчёркиванием. Бывали записки короткие, афористичные, нередко поощрительного либо порицательного характера, а иногда и того, и другого вместе: «Являйтесь! Образцы явлений запечатлены в искусстве». Если бы ОА дожила до времени социальных сетей – ей бы они точно понравились!

Ко всем студентам без исключения ОА обращалась на «Вы», только на «Вы», так же как и ЮГ. Между студентами класса формировалось особое сообщество, своего рода братство: все были хорошо знакомы, осведомлены относительно тем и состояния работ, сопереживали, поддерживали друг друга на конференциях. Все в равной степени чувствовали заботу и внимание к себе – ОА живо интересовалась и учёбой, и личными проблемами, по мере возможности помогала их решать. Но, конечно, основная забота касалась про-

фессиональной сферы: направлять интеллектуальное развитие, рекомендовать новую музыку и книги, активно вовлекать в научное пространство, поощрять участие в конференциях – не только внутривузовских. С новосибирских времен Коны старались «вывозить» студентов в столицы, на «Варшавскую осень». Любая творческая инициатива приветствовалась.

Выделяла ли ОА кого-то в ряду учеников особенно? Пожалуй, нет. Были студенты, к которым она могла позволить себе обратиться с просьбой, но это не связывалось со степенью одарённости и в учебном процессе никак не проявлялось. В случае провинности нерасположение её могло адресоваться каждому. Если речь шла о мелочах, то нерадивого студента ожидало что-нибудь легко-ироничное: «Пометьте: из-за семинара занятия по гармонии перенесутся на пятницу. Ксения, будьте любезны, припишите рядом: сего, 1998 года». А если провинность была, на её взгляд, серьёзной, ОА могла пройти мимо так, будто бы вас и не существует на свете... Впрочем, касалось это не только учеников (фото № 10).

Фото № 10

О. А. Бочкарёва в классе. Петрозаводск, 1980-е годы

Работа над текстами, как правило, шла дома, обычно было несколько дипломников, параллельно готовились доклады. Иногда приходилось ждать, и в этом случае в распоряжении студентов оказывалась библиотека. Ближе к

защите встречи становились ежедневными, занятия заканчивались за полночь. Существовал обязательный ритуал: первым делом отправлялись на кухню ставить чайник и заваривать свежий чай, для студентов в доме всегда держали батон или печенье и настоящее сливочное масло («В наше время печенье с маслом – почти пирожное», – с веселостью замечала ОА в конце 1990-х), часто – зефир и шоколад (фото № 11).

Фото № 11

Домашнее чаепитие. О. А. Бочкарёва и Н. Кузьменко. Петрозаводск, 1980-е годы

Занимались за большим столом в центре гостиной. Сначала зачитывался заготовленный дома текст. ОА, обычно сидевшая справа, с торца, слушала с серьёзностью, опустив глаза; в случае одобрения согласно кивала или коротко комментировала: «да», «согласна», «хороший пассаж», «пусть», – иногда лукаво усмехалась. По окончании, после некоторой паузы звучало непременно: «Вы должны обязательно прочесть то-то и то-то». Как правило, эти множественные «то-то» были из совершенно разных областей, со временем они расширяли горизонты, уточняли ракурсы и помогали материалу выстраиваться в некую систему. Но к этому нужно было привыкнуть.

Текст оттачивался самым тщательным образом: учились чуткому и бережному отношению к слову, выверяли смысловые акценты, работали над точностью метафор; первое предложение выбиралось из десятков вариантов. Когда же дело доходило до анализа музыки, процесс становился поистине

жарким и захватывающим. Сколько бумаги переводилось на рисунки схем, формул, графиков! ОА вставала, правила, рисовала сама, показывала детали, выдвигала невероятные идеи, которые умудрённый опытом студент старался успеть зафиксировать.

У ОА всегда под рукой был собственный экземпляр партитуры, размышления над загадками нотного текста продолжались и в отсутствие студента, ближайшей «почтой» в общежитие летели записки с рекомендациями, советами, набросками мыслей и заданиями. Воодушевление студенческими изысканиями было неподдельным²⁰, оно требовало не меньшей отдачи и с другой стороны. В лице ОА мы видим тип педагога, для которого представляется значимым (или даже единственно приемлемым) со-трудничество, со-творчество, со-бытие в разрабатываемой теме. Словом, как шутила ОА: «Не каждого студента возьмешь в класс, как не каждогопустишь в свою постель».

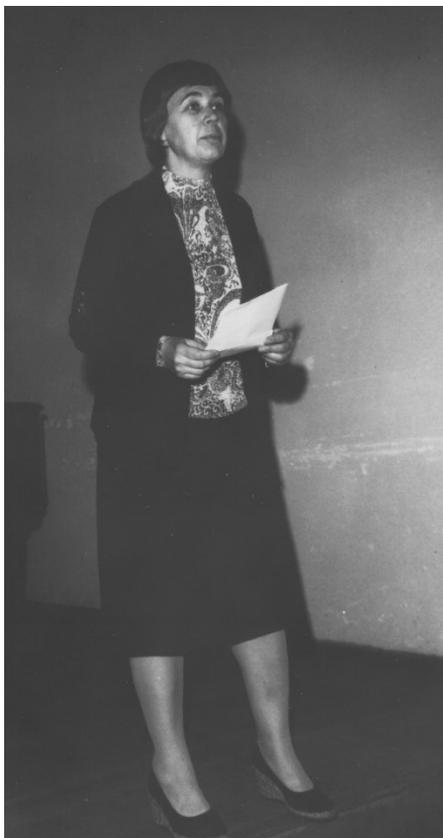
Иногда в доме ОА можно было застать студентов-исполнителей и молодых преподавателей с других кафедр. Каким магическим образом они попадали в научные сети, оставалось туманным для музыковедов, которые, ожидая за книгой своей очереди, с нескрываемым любопытством наблюдали за «мучениями» саксофониста или скрипача. ОА будто брала инструменталистов за руки и вела по, казалось бы, так хорошо знакомому им миру, показывала его устройство, законы, тайны, и они вместе совершали какие-нибудь открытия, удивлялись и радовались им. Имя ОА в исполнительских кругах неизменно произносилось с высокой степенью почтительности.

Потом эти музыканты становились надежными соратниками ОА, если возникала необходимость озвучить редкий нотный материал на заседаниях Научного студенческого общества. В свою очередь, ОА присматривалась к оригинальным программам исполнителей и формировала с их учётом замечательные лекции-концерты (фото № 12).

²⁰ У ОА была тетрадь, куда на протяжении нескольких лет она записывала интересные ей темы курсовых и дипломных работ, а также варианты исследовательских ракурсов. Значительная часть идей была воплощена в жизнь.

Фото № 12

*О. А. Бочкарёва. Вступительное слово
к концерту «Композиторы КАССР – 60-летию СССР».
Петрозаводск, декабрь 1982 года*

Она стремилась знать обо всём, что происходит в культурном пространстве, и уж конечно, была в курсе любых культурных событий Петрозаводска: ни один стоящий концерт, событие в университете, выставка не проходили мимо её внимания. Без принуждения она учила проявлять любопытство к окружающему миру и культурным процессам.

ОА имела свойство убеждать так горячо, так искренне и настолько заряжала своей увлечённостью, что не прислушаться к ней, не довериться ей было совершенно невозможно. «Она всегда говорила неформально и неравнодушно, взволнованно и заинтересованно. Так относилась ко всем и ко всему, так и жила» [4, с. 103].

Литература

1. Баранова И. Н. «Разговорные листки» Ю. Г. Кона // Композиторская техника как знак : сб. ст. к 90-летию со дня рождения Ю. Г. Кона. Петрозаводск, 2010. С. 103–113.
2. Геллис Т. В. Юзеф Гейманович Кон: наброски к портрету // Композиторская техника как знак : сб. ст. к 90-летию со дня рождения Ю. Г. Кона. Петрозаводск, 2010. С. 83–90.
3. Закржевская С. А. Ю. Г. Кон – основоположник теоретического музыкознания в Узбекистане // Композиторская техника как знак : сб. ст. к 90-летию со дня рождения Ю. Г. Кона. Петрозаводск, 2010. С. 33–40.
4. Кожевникова И. В. Память сердца // Композиторская техника как знак : сб. ст. к 90-летию со дня рождения Ю. Г. Кона. Петрозаводск, 2010. С. 100–103.
5. Портной В. С. Вспоминая Ю. Г. Кона // Композиторская техника как знак : сб. ст. к 90-летию со дня рождения Ю. Г. Кона. Петрозаводск, 2010. С. 73–76.
6. Steiner G. No passion spent: essays 1978–1995. New Haven : Yale University Press. 1996. 448 p.

References

1. Baranova I. N. «Razgovornye listki» YU. G. Kona [«Conversational» by YU. G. Kon]. *Kompozitorskaya tekhnika kak znak : sb. st. k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. G. Kona* [Composer's technique as a Sign: Collection of Articles on the 90th Anniversary of the Birth of YU. G. Kon]. Petrozavodsk, 2010, pp. 103–113. (In Russ.)
2. Gellis T. V. Yuzef Geymanovich Kon: nabroski k portretu [Jozef Geimanovich Kohn: sketches for a portrait]. *Kompozitorskaya tekhnika kak znak : sb. st. k 90-letiyu so dnya rozhdeniya YU. G. Kona* [Composer's Technique as a Sign: Collection of Articles on the 90th Anniversary of the Birth of YU. G. Kon]. Petrozavodsk, 2010, pp. 83–90. (In Russ.)
3. Zakrzhevskaya S. A. YU. G. Kon – osnovopolozhnik teoreticheskogo muzykoznaninya v Uzbekistane [YU. G. Kon is the Founder of Theoretical Musicology in Uzbekistan]. *Kompozitorskaya tekhnika kak znak : sb. st. k 90-letiyu so dnya rozhdeniya YU. G. Kona* [Composer's Technique as a Sign: Collection of Articles on the 90th Anniversary of the Birth of YU. G. Kon]. Petrozavodsk, 2010, pp. 33–40. (In Russ.)
4. Kozhevnikova I. V. Pamyat' serdtsa [Memory of the Heart]. *Kompozitorskaya tekhnika kak znak : sb. st. k 90-letiyu so dnya rozhdeniya YU. G. Kona* [Composer's Technique as a Sign: Collection of Articles on the 90th Anniversary of the Birth of YU. G. Kon]. Petrozavodsk, 2010, pp. 100–103. (In Russ.)
5. Portnoj V. S. Vspominaya YU. G. Kona [Remembering Yu. G. Kona]. *Kompozitorskaya tekhnika kak znak : sb. st. k 90-letiyu so dnya rozhdeniya YU. G. Kona* [Composer's Technique as a Sign: Collection of Articles on the 90th Anniversary of the Birth of YU. G. Kon]. Petrozavodsk, 2010. pp. 73–76. (In Russ.)
6. Steiner G. No passion spent: essays 1978–1995. New Haven : Yale University Press. 1996. 448 p.